

Возвращение к себе

ЯРОСЛАВ Смеляков, первый переводчик Мумина Канрата, назвал его самым красивым из таджиков. Каноат действительно красив. И не только внешне. Он привлекает тем, к чему нельзя привыкнуть, что воспринимаешь как редкий и бесценный дар, — талантом человечности. Его сдержанная манера поведения выдает натуру богатую и духовно сильную. Постоянная потребность правды, не просто правдивости, а высокой, озаряющей душу правды, ощущается в каждом слове. Рядом с ним все чувствуют себя чище и добрее.

Самолет из Душанбе прибыл в четыре утра. Чуть передохнув, Каноат с друзьями отправился на Мамаев курган. С ним прилетел Абдулжабар Каххари, который воевал на Курской дуге и до сих пор носит в теле десять осколков. А также Фаттех Ниязи, сражавшийся под Сталинградом. Теперь они все живут в Душанбе, в одном доме. Перед отлетом в Волгоград в саду этого дома были срезаны свежайшие розы. В субботу, 21 мая, они легли на гранитные плиты Мамаева кургана.

Каноат с большим волнением говорил об этом. Он говорил, что не мог не привезти в Волгоград цветы, которые вырастил сам. В этом обычая так много... Он любовался площадью Павших борцов, исчерченной косым майским дождем. Всем своим видом Мумин напоминал человека, очень долго к чему-то стремившегося и, наконец, достигшего цели. Что же, сердце поэта всегда тянулось к этому городу. Почему?

«Из нашей семьи четверо мужчин ушли на фронт. Они посылали письма на мою маму. Я был самым грамотным из оставшихся в селе — учился во втором классе. Брат Абдулла начал войну в Бессарабии. Сражался за Киев и Харьков. В 27 лет погиб под Сталинградом. У него осталась жена Хосьет с маленькой дочкой. Хосьет ослепла от горя и умерла. В нашей школе висел плакат, рассказывающий о подвиге Матвея Путилова, который скрепил зубами концы разорванного снарядом телефонного провода на Мамаевом кургане. Путилов сражался там же, где и брат».

Когда мы получили на него похоронку, я сразу не понял, что он больше не вернется домой. То есть знал, что он убит, но не мог представить, что его больше нет. На следующий день его оплакивали. Собрались все родственники и знакомые. Из одеда сделали тюрк и украсили его ветками плачущей ивы. Ветки обычно клали

Мумин Каноат — известный таджикский поэт, прозаик, публицист, автор ряда критических работ по теории литературы. Он депутат Верховного Совета Таджикской ССР, член ЦК Коммунистической партии Таджикистана. Творчество его хорошо знакомо многим любителям поэзии. Но поистине всенародное признание принесла ему поэма «Голоса Сталинграда», удостоенная в 1977 году Государственной премии СССР.

Мумин Каноат — участник Всесоюзной конференции писателей. В день его прибытия в Волгоград с ним встретился наш корреспондент.

на лицо человека, умершего молодым. Тела Абдуллы не было дома, поэтому мы плакали над свернутым одеялом. Рядом стоял пустой гроб, накрытый лучшей шалью. Это было жуткое зрелище. Наверное, и к нему можно привыкнуть, если видишь много раз. Я видел впервые и был потрясен. Я понял, что такое война: это когда брата нельзя даже похоронить».

В 43-м году пришла похоронка на второго брата — Анвара. Но мы не успели его оплакать — оказалось, жив. Его ранили в голову, и все думали, что он не вынесет боли. Однако у нас в Таджикистане крепкие мужчины. Анвар здравствует до сих пор. Когда я прихожу к нему, он обнимает меня по нашему обычаю «джой-джон» — душа к душе. Я посвятил ему стихи: «Когда ты вернулся на белом коне, ворота были низкими, И ты, быть может, впервые в жизни согнулся...»

«Лавр Аполлона трепещет и зеленеет в эпохи великих социальных потрясений», — говорил Дидро. В этом смысле Великая Отечественная война дала толчок многим творческим открытиям. Но вот парадокс — в последние годы, почти через сорок лет после Победы, одно за другим появляются произведения о войне, не сравнимые по глубине и художественному анализу со многими из того, что было написано раньше. «А зори здесь тихие» Б. Васильева, «Берег» Ю. Бондарева, «Отпуск по ранению» В. Кондратьева. Каждый добавит к этому списку свое — что особенно тронуло и запало. Многие назовут и поэму Мумина Каната «Голоса Сталинграда». Через эмоциональное потрясение автор возвращает читателю очистительную способность ужаснуться, отвратиться, пройти через нравственный катарсис, чтобы понять, как страшна война, как противна она человеческой природе.

В 1965 ГОДУ Мумин Каноат впервые приехал в Волгоград. В Российской Федерации проходили тогда дни таджикской литературы. Группа писателей плыла на пароходе в город-герой из Астрахани. Мумин хорошо помнит этот день — 14 июня. На заре пароход «Клара Цеткин» подошел к причалу. Его ждало множество народа. Можно было подумывать, что люди не дожидлись, чтобы поспеть на причал вовремя. Гостей задрали цветы. Утро только начиналось, и далекое солнце, встававшее в степи, пробивалось между домами. Мумин один отправился в гостиницу. Он прошел от реки прямо к Вечному огню. Бродил по безлюдным прохлад-

ным улицам. 14 июня 1965 года родилась поэма «Голоса Сталинграда». Она еще не была написана, и он понятия не имел, как будет ее писать. Но она уже появилась. Потому что стихи — это не только и не столько слова. Это прежде всего то, во имя чего они пишутся.

«Хорошо помню 25-летие Сталинградской битвы. Я приехал на юбилейные торжества за неделю раньше — уже начал собирать материал для поэмы. Евгений Долматовский, узнав об этом, сказал: «Тебе надо встретиться с Чуйковым. Я вас познакомлю». И вот долгожданный день настал. Я очень волновался. Мы пришли к Василию Ивановичу. Я увидел сильного, не старого еще человека, настоящего маршала, каким я его и представлял. У него был хорошо поставленный бас. Долматовский представил меня: «Вот поэт, который хочет написать о вашей армии». Чуйков был внимателен и любезен. Мы поехали вместе на завод «Баррикады», где в тот вечер была встреча ветеранов с рабочими. Я прочел отрывок из своей поэмы «Днепровские волны». Чуйкову понравилась. От его чуть холодноватой любезности не осталось и следа: «Теперь я верю, что ты можешь написать о Сталинграде». Тут же на вечер он назвал поименно героев — таджиков, героически сражавшихся на Волге. Я, в свою очередь, был тронут до слез: оказывается, Чуйков знал лично моих земляков из кавалерийского эскадрона легендарного Саид-Ахмда Каримова. Вот какой это был маршал. Как же обо всем этом написать?»

ОН СЕМЬ раз приезжал в Волгоград, прежде чем сесть за письменный стол. Мумин Каноат работал в архивах и музеях, прочел все написанное о Сталинградской битве, начиная с фронтовых сводок и «боевых листовок» и кончая дневниками гитлеровских солдат. Он беседовал с десятками людей, встречался с военачальниками, разыскивал очевидцев подвигов. Он должен был знать все о битве с достоверностью историка, чтобы написать правду. Из фактов и впечатлений сложился целый мир. В центре его был брат Абдулла с женой Хосьет, Матвей Путилов, Михаил Паникаха, Василий Иванович Чуйков и все солдаты, сполна испившие горькую чашу победы. Этот мир жил и волновался в его душе уже помимо воли поэта. Он просыпался ночью от его голо-сов. И постепенно пришло решение выстроить композицию будущей поэмы в виде монологов, расширяющихся эти голоса. Монологи Земли, Реки, солдат и матерей должны сливаться в единый реквием павшим.

Образы поэмы близки к фольклорным и в то же время явственно современны. Стих сжатый, лаконичный, меткий, как выстрел снайпера. Мумин признается, что ему стоило немалых усилий уложить всю массу впечатлений в емкие строки. Но тем сильнее они звучат: «Какая сегодня погода? Какое число? И снова атака и нет никакого числа...», «А упал человек — никакая весна не поднимет погибшего человека», «От первой любви и до первой пули...»

Особенно внимательно Каноат изучал обстоятельства гибели связиста Матвея Путилова. В один из последних дней битвы от осколка снаряда прервалась связь. Командный пункт остался отрезанным от передовой. Матвей Путилов пополз, разыскивая повреждение, и сжал зубами концы разорванного провода. Вместе с однополчанами героя Каноат нашел точное место события. Измерил его шагами — сколько метров было до командного пункта, сколько до вражеских укреплений. Он выяснил дату подвига — 17 октября 42-го. В тот день пошел снег — очень ранний, неожиданный... Материала, который собрал Каноат о подвиге связиста Путилова, хватило бы на эпическую поэму. Он написал сорок строк:

А снег уже темней земли!

А снег уже привык гореть!

Легат немые провода,

Как нервы армий и полков...

«Мне повезло с переводчиками. Ярослав Смеляков, Римма Казакова, Роберт Рождественский. Перевод — очень тонкое дело. Говорят, плохие переводчики или льстят автору или мстят. И в том, и в другом случае они используют подстроичия для собственных упражнений в рифме. Мне повезло именно потому, что те, кого я назвал, нашли адекватное выражение первооснове. Когда Роберт Рождественский начал работу, он позвонил мне из Москвы: «Ты написал хорошую поэму...»

История написания поэмы «Голоса Сталинграда» — в ее первых строчках:

Если хочешь, чтоб кто-то

читал поэму,

Слово тяжесть планеты

вмещать должно

И звучанием жизнь освещать

должно.

И бессонной крепостью стать

должно,

Если хочешь,

чтоб кто-то читал поэму...

Мумин Каноат сказал чистую правду — именно так он и шел к своей поэме. Для того чтобы ее создать, он должен был писать и учиться всю жизнь. Он должен был выпустить тридцать поэтических сборников, стать лауреатом Государственной премии Таджикистана, обехать весь мир и снова вернуться в Сталинград. Этот город не давал покоя. Мумину Каноату 50 лет. Как все его сверстники, он не успел повоювать. И испытывал за это угрызения совести перед старшими братьями. Это чувство причиняло почти физические муки. Война отметила судьбу этого поколения печатью неоплатного долга. Вот почему для Каната так много значит Сталинград. Он связан с нашим городом больше чем на всю жизнь.

Т. АРТЮШИНА